

Вы — родной сын Императора, не можете же вы вечно прозябать в этом Зале исполнения желаний. Почему бы нам... не попросить заступничества у любимых наложниц? Стоит одной из них молвить доброе слово перед Императором, и, возможно, он согласится вас принять!

Глаза Хунли слегка дрогнули, но тут же вновь погасли: Кто из наложниц станет заступаться за принца, к которому Император не питает привязанности?

Сяо Юньцзы поспешно зашептал: Семья Благородной супруги Хуа весьма влиятельна, Император души в ней не чает. Если она попросит, он непременно прислушается!

Хунли замолчал, но в конце концов, не в силах противиться желанию изменить свою судьбу, кивнул: Хорошо, давай попробуем.

Он переоделся в свои самые приличные одежды и вместе с Сяо Юньцзы направился к павильону Лююэкайюнь. Однако едва они подошли к воротам, как путь им преградил Чжоу Нинхай в сопровождении двух стражников.

Чжоу Нинхай смерил его презрительным взглядом и, растянув губы в насмешливой улыбке, процедил: Четвертый принц, зачем пожаловали? Наша госпожа отдыхает после обеда, посторонних не принимает. Ступайте-ка вы обратно.

Господин Чжоу, — Хунли подавил нахлынувшую обиду, — я пришел просить аудиенции у Благородной супруги Хуа.

Ой, не губите меня, — Чжоу Нинхай презрительно усмехнулся, — раз уж сам Император не желает вас видеть, как же наша госпожа осмелится перечить его воле?

Стоявшие позади стражники сделали шаг вперед, демонстрируя явное нежелание пропускать его внутрь.

Хунли стоял на месте, его лицо залила краска стыда, но он не произнес ни слова. Лишь низко поклонившись воротам, он развернулся и вместе с Сяо Юньцзы отправился прочь.

Вернувшись в Зал исполнения желаний, Хунли долго сидел на холодном каменном стуле, погруженный в молчание.

Сяо Юньцзы, глядя на его поникший вид, осторожно предложил: Принц, может... попробуем обратиться к новоиспеченной Наложнице Вань?

Хунли поднял на него вопрошающий взгляд.

Несколько дней назад на праздничном банкете в павильоне Пионов танец Летящего лебедя в

исполнении Наложницы Вань привел Императора в такой восторг, что он тут же повысил её в ранге. В последние дни Император только и делает, что навещает её в павильоне Шансятяньгуан, милость его сейчас безгранична! К тому же, я слышал, она происходит из семьи ученых, нрав у неё мягкий и добрый, совсем не такой спесивый, как у Благородной супруги Хуа. Если она согласится помочь, всё может получиться!

В душе Хунли вновь затеплилась надежда.

Даже если шанс один на десять тысяч, он должен попробовать. Он больше не хочет быть тенью в этом Летнем дворце, о которую каждый может вытереть ноги.

Хорошо, — Хунли поднялся на ноги, — идем в Шансятяньгуан просить аудиенции у Наложницы Вань.

Оказавшись у ворот павильона, он остановился: Будьте добры, передайте, что Четвертый принц Хунли просит аудиенции у Наложницы Вань.

Евнух у ворот, подчиненный Сяо Юньцзы, окинул его взглядом и бросил: Наша госпожа отдыхает, посторонних не принимает. Четвертому принцу лучше вернуться.

Я могу подождать, — поспешно ответил Хунли. — Когда она проснется, будьте добры, передайте мою просьбу. Я буду ждать здесь, сколько потребуется.

Евнух усмехнулся, не удостоив его ответом, вошел внутрь и притворил ворота наполовину, ясно давая понять, что не собирается вмешиваться.

Хунли остался стоять под палящим полуденным солнцем.

Летний зной был невыносим, от жары начинало жечь кожу, пот градом катился по лицу, пропитывая одежду, но он и не думал уходить. Сяо Юньцзы пытался уговорить его спрятаться в тени деревьев, но тот лишь твердил: Только здесь, ожидая, я покажу свою искренность. Когда Наложница Вань узнает об этом, она наверняка захочет со мной встретиться.

Он прождал с полудня до самого заката, но ворота так и не открылись.

А ведь всего полчаса назад Наложница Вань проезжала в паланкине по тенистой аллее неподалеку. Занавеска колыхнулась от ветра, и она случайно увидела маленькую фигурку, неподвижно застывшую под палящим солнцем. Совсем еще ребенок, а в осанке — не по годам твердая решимость.

Носильщики замедлили шаг, и кто-то прошептал: Госпожа, желаете остановиться?

Наложница Вань смотрела на эту фигуру, и в её сердце мелькнуло сомнение. Она знала, какой путь ждет этого ребенка, и сейчас он казался ей достойным жалости. Но следом она отбросила эти мысли. Если она остановится сейчас, даже просто перекинувшись парой слов, к завтрашнему дню об этом доложат Императору. И тогда её репутация скромной и не участвующей в интригах наложницы, которую она выстраивала так долго, будет разрушена.

Не останавливаться, следуем в павильон Синхуачунь, — спокойно произнесла она, опуская занавеску.

Паланкин ровно двинулся дальше, удаляясь от павильона Шансятяньгуан.

Солнце село, и его последние лучи вытянули длинную тень Хунли. Наконец, ворота Шансятяньгуан открылись. Сяо Юньцзы вышел наружу и посмотрел на Хунли: Четвертый принц, наша госпожа сказала, что наложницам не подобает тайно встречаться с принцами, поэтому она не может вас принять. Прошу, ступайте обратно и больше не ждите.

С этими словами он закрыл ворота. Хунли молча поклонился закрытым дверям, развернулся и зашагал в сторону Зала исполнения желаний. Он не собирался сдаваться. Он — потомок Айсиньгёро, родной сын Императора, и никогда не станет забытой тенью в захолустном Зале исполнения желаний.

Вечером весть о том, что ребенок безуспешно обивал пороги, тихо дошла до дворца Цзючжоуцинъянь. Су Пэйшэн, склонившись, в точности передал Юнчжэну, как Четвертый принц получил отказ у Благородной супруги Хуа, а затем прождал весь вечер у Шансятяньгуан.

Рука Юнчжэна с кистью замерла, в его взгляде на мгновение промелькнуло трудноуловимое сочувствие, но голос остался холодным: С малых лет не учится ничему доброму, только и знает, что заискивать перед наложницами. Поистине, никчемный ребенок. Оставьте его в покое, не вмешивайтесь.

Слушаюсь, — поспешно склонился Су Пэйшэн, не смея продолжать разговор.

Юнчжэн отложил кисть, его взгляд был полон противоречий. Он не был слеп к положению своего сына, и в его сердце не было полного отсутствия отцовских чувств, но каждый раз, глядя на него, он вспоминал ту низкую и безобразную дворцовую служанку, вспоминал интриги Восьмого принца, и отвращение вновь брало верх.

С того дня, как ему отказали у ворот Шансятяньгуан, Хунли просидел всю ночь при холодном свете лампы в Зале исполнения желаний.

Проводя пальцами по прописям, которые он старательно копировал полгода, и по учебным работам с пометками, он наконец понял: у каждой наложницы свои страхи, и никто не рискнет ради него — принца, отвергнутого отцом.

Полагаться на других — все равно что ловить отражение луны в воде. Нужно полагаться только на себя, показать реальные достижения и предстать перед отцом.

Едва рассвело, и Летний дворец окутал утренний туман, Хунли аккуратно завернул свои работы в промасленную бумагу, спрятал их за пазуху и направился к Залу Циньчжэнцинсянь. Он знал, что Император каждое утро работает там с докладами.

У дверей зала он не стал кричать или плакать, а просто опустился на колени на холодные каменные плиты, бережно прижимая к себе свои записи. Громко и четко, без тени дерзости, он произнес: Сын ваш, Хунли, принес свои учебные работы и просит встречи с отцом, смиренно умоляя об указаниях в учебе.

Су Пэйшэн, узнав Четвертого принца, подошел к нему: Зачем же вы так себя мучаете, Четвертый принц? Император сейчас занят, вряд ли у него найдется время. Солнце палит, лучше возвращайтесь и ждите там.

Я буду ждать здесь, на коленях, — Хунли поднял голову, его лицо было напряжено, он крепко прижимал к груди работы. — Это мои труды за полгода. Я лишь хочу, чтобы отец взглянул на них и дал несколько советов. Этого мне будет достаточно.

Видя его упорство, Су Пэйшэн ничего не смог поделать и позволил ему остаться.

Туман рассеялся, солнце поднялось выше. Хунли стоял на коленях, выпрямив спину. Пот ручьями стекал по его лицу, капая на сверток, и он поспешно, со страхом испортить чернила, вытирал их рукавом.

С утра до полудня он не ел и не пил, ноги онемели, перед глазами плыло, но он продолжал крепко держать свои записи. Когда он уже почти терял сознание, перед ним раздались тихие шаги.

Ветер принес тонкий аромат орхидей, смешанный со сладким запахом пирожных, и этот аромат рассеял летний зной.

Хунли с трудом поднял голову, ослепленный ярким солнцем, и встретился с мягким взглядом миндалевидных глаз.

Это была их первая встреча с Наложницей Вань.

На ней было платье из светло-зеленого шелка с вышитыми серебряными нитями орхидеями,

края рукавов и воротник были тонко окантованы серебром. Она напоминала нежную орхидею, цветущую у воды — изящная и строгая. Её причёска, украшенная золотой заколкой с жемчугом, была идеальна. Макияж — чистый и естественный, а в уголках глаз — лишь легкий намек на румяна.

Её глаза не выражали ни высокомерия, ни нетерпения, напротив, они светились теплотой. Увидев, что он смотрит на неё, она слегка улыбнулась, и её голос прозвучал мягко, словно ледяной сливовый отвар: Так жарко, Четвертый принц, вы стоите на коленях так долго, почему бы вам не попить воды?

Хунли застыл, едва не выронив свои записи. Он привык к холодным взглядам и презрению. Никто до этого не останавливался, чтобы поинтересоваться, не хочет ли он пить, не думая о выгоде.

Сердце юноши бешено забилося, щеки вспыхнули. Он дрожащими руками принял бурдюк, который она передала через служанку.

Спасибо... госпожа Вань, — его голос предательски дрожал.

Наложница Вань взглянула на бумаги, которые он прижимал к груди. Они уже насквозь пропитались потом. Она слегка кивнула, не давая никаких обещаний, лишь тихо произнесла: Берегите то, что у вас в руках, постарайтесь не испортить водой, — после чего, неся корзинку с едой, направилась к залу. Охрана, увидев её, почтительно склонилась.

Хунли остался стоять, глядя вслед её светло-зеленому силуэту. В носу защипало, а глаза налились слезами. Он отпил немного воды — прохладная влага остудила его пересохшее горло, а её мягкий голос согрел его опустошенную за десять лет душу.

Спустя много лет Хунли будет вспоминать этот момент с трепетом и легкой грустью, но это уже совсем другая история.

В зале было прохладно — по углам стояли сосуды со льдом. Юнчжэн сидел за столом, нахмурившись над бумагами о перевозках по Великому каналу.

Наложница Вань опустилась в реверансе: Приветствую Императора.

Юнчжэн поднял голову: Вставай. В такую жару — зачем пришла сама?

Видя, что вы утомлены государственными делами и у вас пропал аппетит, я приготовила по рецепту из Цзяннани пирожные с семенами лотоса и охлажденный суп из сушеной сливы, — она сделала знак евнуху, чтобы тот поставил корзинку на стол, и сама начала расставлять

угощения.

Юнчжэн попробовал пирожное — оно было нежным, сладким и ароматным. Он кивнул, его голос стал мягче: Как же ты внимательна. Куда вкуснее того, что готовят во Внутреннем ведомстве.

Съев немного, он отставил чашу и бросил взгляд на улицу. В его голосе послышалось раздражение, но сквозь него пробивалась и нотка сомнения: Этот непутевый сын снаружи стоит на коленях уже целый день.

Наложница Вань, стоявшая поодаль, тут же уловила этот тон. Император всегда ценил прилежание принцев. Раньше он отвергал Хунли, считая того неспособным, но теперь, видя, что ребенок целый день провел на коленях ради учебы, он лишь ждал повода сменить гнев на милость.

Она не стала просить за него прямо, а лишь мягко поддакнула: Император прав, если он просто балуется — это требует наказания. Но когда я входила, я видела, как бережно он прижимал к себе стопку тетрадей — они все промокли от пота, но он не выпускал их из рук. Кажется, он пришел не ради баловства, а искренне желая вашего совета в учебе.

Она подняла взгляд на Юнчжэна, добавив с заботой: Император всегда говорил, что принцы — основа государства, и усердие в учебе — благо. Даже если талант Четвертого принца средний, его стремление похвально. Раз уж вы хотите его наказать, лучше сделать это лично, указав на его ошибки, чем заставлять стоять на коленях снаружи.

Эти слова были безупречны. Она не просила за Хунли, а лишь давала Императору возможность проявить великодушие, сохранив при этом его авторитет.

Юнчжэн на мгновение замолчал, постукивая пальцами по столу. Холод в его глазах рассеялся. Она была права: как бы он ни был им недоволен, это его родной сын. Если он продолжит игнорировать его старания, поползут слухи о жестокости к потомству.

Ты права, — Юнчжэн повысил голос: Су Пэйшэн, введи Четвертого принца.

Слушаюсь! — Су Пэйшэн поспешил на выход.

Хунли, услышав приказ, застыл, не веря своим ушам. Он провел на коленях целый день, его мутило, но он дождался. Поправив одежду и свои записи, он, хромая, вошел в зал. Каждый шаг отдавался болью в ногах, но он шел ровно, соблюдая правила.

Войдя, он сразу увидел Наложницу Вань. Она едва заметно кивнула ему, призывая успокоиться.

Сердце Хунли снова забилося, он отвел взгляд и рухнул на колени, высоко подняв стопку тетрадей: Сын ваш Хунли приветствует Отца-Императора. Прошу вас, взгляните на мои труды за полгода, укажите на мои ошибки в учебе.

Юнчжэн взял тетради у Су Пэйшэна и пролистал их. Почерк был не лучшим, но аккуратным, видно было, что над каждой статьей он усердно работал. Раздражение окончательно улетучилось.

Постарался, — Юнчжэн положил тетради на стол. — Ты простоял весь день ради этого?

Да, Отец, — ответил Хунли. — Я знаю, что не так умен, как Третий брат, но я хочу усердно учиться, чтобы не позорить вас и императорский род.

Юнчжэн долго молчал, наконец смягчившись: Раз есть тяга к знаниям, я дам тебе шанс. С завтрашнего дня я велю учителям приходить в Зал исполнения желаний. Если будут успехи — я замечу. Если начнешь лениться — не пощажу.

Хунли широко раскрыл глаза, не веря услышанному. Он рассчитывал лишь на то, что отец взглянет на тетради, а тот решил назначить учителей! Это значило, что отец наконец заметил его.

Он трижды ударился лбом о пол: Благодарю за милость! Я буду учиться прилежно, не жалея сил, и не разочарую вас!

Вставай, — Юнчжэн бросил взгляд на Наложницу Вань. — Скажи спасибо Наложнице Вань, это она замолвила за тебя слово.

Хунли обернулся и низко поклонился Наложнице Вань, навсегда запечатлев её образ в памяти: Благодарю вас, госпожа, за вашу доброту. Я никогда не забуду этого.

Не стоит, принц, — она слегка отстранилась, не принимая почестей. — Я лишь высказала то, что было на душе у Императора. Принцу пристало стремиться к знаниям, это и есть лучшая награда.

Она говорила безупречно, не приписывая заслуг себе.

Иди в Зал исполнения желаний и готовься к завтрашнему дню, — Юнчжэн махнул рукой, а затем обратился к Наложнице Вань: И ты ступай. Пирожные были очень вкусными, захочу еще — позову.

Слушаюсь, — она поклонилась и вышла из зала.

Хунли стоял, провожая взглядом её светло-зеленый силуэт, пока аромат орхидей не рассеялся окончательно. Он сжал кулаки, давая себе клятву: доброту, проявленную госпожой Вань сегодня, он оплатит сторицей, чего бы ему это ни стоило.

<http://bllate.org/book/21976/2283849>